

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 21 декабря 2020 «NUESTRO PAIS» Buenos Aires, 21 de diciembre de 2020 No 3140

К 100-ЛЕТИЮ КРАСНОГО ТЕРРОРА В КРЫМУ: С КЕМ ПРИМИРЯТЬСЯ?

О чем говорят документы

Наступило время 100-летнего юбилея русского исхода - эвакуации Добровольческой армии из Крыма.

На общегосударственном уровне это событие, если я не ошибаюсь, не отмечается никак: на сей предмет нет никаких официальных заявлений или постановлений высших государственных органов. Данной теме посвящены лишь мероприятия Военно-Исторического Общества - формально общественной организации. Однако не стоит забывать, что сто лет назад, сразу вслед за исходом Белой армии в Крым начался массовый террор, которому нет аналогов в истории.

Красному террору в Крыму посвящены работы исследователей, самая солидная из которых, изданная в Киеве в 2005 году, принадлежит перу донецкого прокурора Леонида Абраменко, занимавшегося реабилитацией жертв. Давайте попробуем осмыслить это событие не с точки зрения научных монографий и цифр, а с точки зрения простого человека, читающего документы-первоисточники, а именно расстрельные анкеты и списки.

В чём были виноваты эти люди, и как организовывался процесс осуждения? Более двухсот анкет из двух ялтинских расстрельных дел были любезно предоставлены нам архивом Службы Безопасности Украины по заявке в электронном виде, всего за месяц - невероятно, но факт. Документы эти говорят, что террор был развязан против всех находившихся в Крыму - как против прекративших сопротивление военных, так и против мирного населения.

На анкете княгини Надежды Александровны Барятинской, 73 года; стоит резолюция «Расстрелять» от 21 декабря 1920. После инсульта она передвигалась в инвалидной коляске, и на расстрел её несли на руках.

Анкета, видимо, заполнялась самими чекистами: в левом верхнем углу тем же почерком, что и в анкете, написано: «К делу Мальцовых расстрелянных». А сама анкета изобилует большевистскими терминами: занятие родителей - «помещики», родственные связи вне и внутри Советской России - «две дочери бежали за границу перед вступлением Красных (с большой буквы - СШ) в Крым». В графе «добавления» читаем: «Урожденная

графиня Стельбок», хотя правильно - Стенбок-Фермор - комиссары были полуграмотны. Почерк подписи «княгиня Барятинская» отличается от почерка заполненной анкеты. Никакой конкретной вины не предъявлялось. В графе «ФИО» крупным почерком написано «КНЯГИНЯ» - в этом была главная ее вина. Ирина Владимировна Мальцова, дочь княгини Барятинской, 40 лет, была расстреляна будучи беременной; также был расстрелян ее муж Сергей Иванович Мальцов, 44 лет, и его отец Иван Сергеевич, 73 лет. На его анкете стоит резолюция от 19.12.1920 «Полный генерал. Расстрелять».

16 декабря 1920 г. был вынесен смертный приговор сестре милосердия княжне Трубецкой по лживому обвинению в подслушивании разговора политкомиссара санатория Короткова с его подельниками. В составленном чекистами докладе, подписанном сестрой милосердия Ариадной Сумцовой говорится: «...Из совместной службы с Трубецкой я вынесла убеждение, что она принадлежит к крайним монархистам...; грязное белье с офицеров давала одевать солдатам, говоря, что офицеры как люди благородные, чисты, а солдаты - простые мужики и грязные...»

На самом деле сестра Трубецкая делала перевязку солдату и не могла слышать никаких разговоров; она не могла давать солдатам белье, так как не являлась палатной сестрой. За сестру милосердия Трубецкую поручились другие сестры: Мария Негоженко, Евгения Фотиева, Евгения Попова, Наталья Блиндемман и другие, извещая Особый Отдел о честности, порядочности и непричастности Трубецкой ни к какой политической организации, прося «товарища коменданта отдать сестру Трубецкую на поруки». Трубецкую это не спасло, а всем просительницам как «поручившимся за контрреволюционерку» был вынесен смертный приговор 21-22 декабря 1920.

В деле Александра Смирнова, ротмистра Феодосийского офицерского батальона, а ранее мобилизованного мирового судьи г. Харькова, имеется его заявление в регистрационное бюро Особого Отдела, где он пишет, что при взятии белыми Харькова он «скрывал на квартире двух видных советских работников - председателя харьковского Совнарса Шепелева (члена партии коммунистов) и заведующего судебным отделом Брио», от шести дней до двух недель. Не помогло. 19 декабря 1920 г. на анкете появилась резолюция «Расстрелять».

Читая расстрельные дела сотрудников санатория в Ливадии, где служила княжна Трубецкая, создается впечатление, что чекисты выполняли именно какой-то чудовищный план по расстрелам.

Все доносы, явно бредового содержания, на пять сотрудников и одного выздоравливающего, написаны одним и тем же почерком политкомиссара Короткова и подписаны той же самой сестрой милосердия Сумцовой. Приведем цитаты, орфография и пунктуация авторов сохранена.

«Бич-Лубенский Иван Михайлович. Являясь видным буржуем гор. Харькова, при наступлении Советской Власти он прибыл в Крым, где жил припеваючи, прокучивая не мало средств с приспешниками Врангеля, но в конце, при бегстве белых, он поступил надзирателем в санаторию, где все время насмеялся над приказами Советской Власти, говоря, что пишут их «мужики, дураки, медные лбы», что никогда Советская Власть не укрепитя, т. к. она вся состоит из хамов...».

«Булгакова Ирина Лукинишна, сестра милосердия. Оставлена бежавшими белыми для шпионажа и слежки за сотрудниками госпиталя надеясь на скорое возвращение белых обратно в Крым...»

«Винс Герхард. Служа санитаром санатории №10, вел усиленную пропаганду, как то говоря, что придут наши и залют кровью коммунистов весь Крым, называя их в то же время бандитами, которые отбирают у порядочных людей имущество и делят между

собой. Служа в аптеке, снабжал убежавших белых медикаментами, говоря, что «такая сволочь, как красные обойдутся и без медикаментов, скорей подохнут...»

«Матвеев Василий Харитонович. Будучи отцом жены врача Кудрина, участвовал во всех его гнусных деяниях... Говорил в среде больных, что больным угрожает голодная смерть от Советской Власти опираясь на гнусную ложь, что вся Украина объята пожаром восстания и что в центральной России голод, и всему этому причина коммунисты.»

«Денежный Федор Михайлович. Служа при канцелярии лазарета №10, был шпионом белых и подслушивал под всеми дверями...»

«Гинзбург Виктор Александрович. Являясь сыном известного крупного буржуа гор. Харькова, проступив добровольно в ряды войск Врангеля и находясь на излечении в госпитале №10, распространял злонамеренные слухи как то о приходе англо-французской эскадры, которая никогда не потерпит коммунистической власти в Крыму...»

Каждый донос заканчивается фразой: «Показала настоящее показание сестра милосердия Сумцова...». Подпись. Далее, тем же самым почерком, что и подписанный Сумцовой текст, следует умозаключение комиссара: «По сколько я успел их узнать, это есть факт. Политкомиссар Коротков». А вслед за этими «фактами» следовали расстрельные резолюции чекистов.

К делу этого мобилизованного Гинзбурга, 19-летнего студента коммерческого института, приложены его зачетная книжка и письма от родных. «Вторник, 16/ XII. Вик. Мы все очень недовольны, что до сих пор не было от тебя ни одного письма. Пиши непременно каждый день, чтобы мы знали, что с тобой... Пиши, что ты делаешь, как служишь, что ешь (не жалея на харч) и про обстоятельства твоей жизни. Юра завтра выписывается из больницы. Приехал Дайхес благополучно... У меня лихорадка... Ждём ответа. Думаю, тебе хватит ещё денег. Будь здоров, сыночек. Папа.» Неизвестно, успели юноша получить это письмо - ведь ровно через три дня, 19 декабря 1920 г. председатель тройки Эрнст Удрис написал на его анкете резолюцию «Расстрелять.»

Расстрельные приговоры стоят на анкетах людей, как военных, так и гражданских, всех сословий, всех вероисповеданий, всех национальностей, и богатых, и бедных. Многие указывали свое вероисповедание (православный, иудей, меннонит, караим, магометанин) в малопонятной для того времени графе «национальность». Вина этих людей была отражена в резолюциях палачей – приведём некоторые примеры с максимально возможным сохранением орфографии оригинала. Шимановский Даниил Владимирович: «Подпоручик. Расстрелять».

Урсов Константин Георгиевич (молдаванин): «Вахмистр. Расстрелять».

Гаранин Иван Арсеньев: «Казак ярый врангелевец. Расстрелять».

Самойленко Роман Григорьев: «Казак. Расстрелять».

Минасов Карп (армянин): «Дроздовец Расстрелять».

Бондаренко Григорий Львов: «Чиновник. Расстрелять».

Молдавский Лев Давидович (иудей): «Купец II гильдии бежал из Харькова. Расстрелять».

Натрусин Сергей Иванович: «Купец II гильдии бежал из Москвы. Расстрелять».

Пашков Иван Константинович: «Владелец завода – бежал от Харькова. Расстрелять».

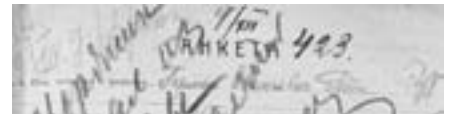

Вейтко Игнатий Игнатьевич: «Писар-чертежник Врангеля, укрывал сведения. Расстрелять»; слово «писарь» на нескольких анкетах полуграмотный палач Удрис писал без мягкого знака.

Рейне Герман Евгеньевич: «Дворянин бежал из Москвы. Расстрелять». Этот 20-летний

молодой человек, как видно из его анкеты, был в Крыму с бабушкой и с сестрой, и как единственный кормилец в семье был освобожден от мобилизации, о чем предъявил справку; более того, в Москве он состоял в коммунистических кружках; не помогло.

Гельбух Михаил Ефимович (еврей): «С белыми бежал из Екатеринослава. Типичный спец. Расстрелять». Что значит «типичный спец», понять трудно.

Особой категорией стоит обвинение «подозрительный тип», встречающееся в резолюциях на некоторых анкетах. Молокин Георгий Георгиевич: «Очень подозрительный тип – не указывает где он точно служил. Расстрелять». Савушкин Илья Матвеевич: «Тип подозрительный. Служил в Кр. Армии и якобы попал в плен и у Врангеля служил больше года. Расстрелять.»

Ознакомившись в документах первоисточниками красного террора к Крыму столетней давности, мы видим, что террор этот был всеобъемлющим, не щадящим никого. Это был рандомизированный террор, то есть массовые убийства людей наобум, включая мирных, безоружных и беспомощных. Террор унёс от 30 до 120 тысяч жизней. Он должен быть определен как преступление коммунистов против человечности.

В настоящее время к 100-летию завершения Гражданской войны идет сооружение «памятника примирения» в Севастополе. С кем нас призывают примириться? С шайкой Ленина, захватившей власть, или с садистами и убийцами, исполнителями красного террора? Преступлениям коммунистов не должно быть срока давности.

Сергей Шарапов

МЕТАМОРФОЗЫ ПИСАТЕЛЯ КАРАТЕЕВА

«В «НС» № 3082 говорилось о том, как подпоручик конной артиллерии Михаил Каратеев в 40-е годы осоветился и писал дифирамбы Сталину. Хотя он позже отошёл от этих позиций, белые эмигранты в Аргентине продолжали относиться к нему настороженно. Что проживающего на уругвайском морском курорте Атлантида писателя раздражало.

Например, писатель М. Бойков обещал дать для «НС» рецензию на его книгу «Ярлык великого хана», но так и не осуществил сию затею.

Каратеев навёл справки у редактора газеты В. Дубровского в письме от 14.5.58, причём попытался задобрить его заявлением о своём новоприобретенном народном монархизме: «Отсутствие рецензии меня нервировало вовсе не потому, что я нетерпеливо себе и мне скорее захотелось получить пряник. Расходится моя книга хорошо и я уже знаю, что публике она понравилась. Это явствует из нескольких десятков читательских писем, которые я уже получил. И многие из них написаны достаточно известными в эмиграции именами. Но дело в том, что я придаю своей книге известное идеологическое значение. Во-первых, я хочу ею возбудить у читателей любовь и интерес к нашему историческому прошлому. Во-вторых, я хочу передать им свою веру в органическую присущность нам идеи

монархии в лучшей её форме: в единении монарха с народом. И в-третьих, увести от ныне усиленно раздуваемой классовой ненависти, я зову к былому классовому единству. Три основных фигуры моего романа - удельный князь Василий, дворянин Никита и крестьянский парень Лавруша - тесно связаны нерушимыми узами любви, дружбы, товарищества и взаимной поддержки, если хотите, у меня символичны. Может быть не все читатели отдадут себе в этом отчёт и им следовало бы в этом помочь, - навести их на эту мысль, а вместо этого вся пресса хранит о моей книге гробовое молчание. Особенно же бросается в глаза молчание «Нашей Страны», газеты которая анонсировала выход этой книги, которая печатается в том же городе, где книга вышла. Я знаю например, что одна североамериканская русская газета, где заправляют левые, отклонила рецензию об этой книге, представленную одним из сотрудников, и знаю почему. Заправили там сказали, что книга проповедует идею монархии, и хуже всего, - делает это «талантливо и умно», а потому о книге надо молчать, чтобы не создавать ей рекламы. Поведение социалистов в данном случае мне понятно и даже лестно. Но молчание остальных газет меня огорчает и удивляет. Удивляет потому, что это молчание коренным образом не согласуется с

тем приёмом, который оказан книге читателям, вкусы которых, казалось бы, их органы печати должны в какой-то степени отражать».

Это не была единственной попыткой писателя убедить Дубровского, что он является его единомышленником. 27 декабря 1959 года он ему написал:

«Как старший и постоянный читатель «Нашей Страны», хочу выразить Вам своё искреннее удовлетворение позицией этой газеты в возникшей последнее время полемике на «принципиальные темы» и той благородной и мужественной трезвостью, с которой Вы лично, не боясь злопыхательств, защищаете струю своего воздуха, начавшую, слава Богу, проникать в затхлую атмосферу, созданную вокруг монархической прессы кучкой самовлюблённых графоманов, полагающих, что для возрождения Национальной России достаточно тотальной ненависти и американской водородной бомбы. Стоит ли удивляться, что при подобных «идеологах» наше движение не растёт, а газеты не расширяют круга подписчиков?»

Однако, даже и годы спустя, многие белые так и не могли простить его прежний советский патриотизм, что вызвало письмо в редакцию Каратеева следующего содержания:

«С появлением первой же написанной мною книги, известная категория лиц, проживающих в Буэнос Айресе, поставила себе

целью всячески вредить моей литературной деятельности. Изобретательность этих лиц поистине безгранична: призывая к бойкоту моих книг, они всячески старались уверить публику, что эти книги я у кого-то украл, или что их кто-то пишет мне «на заказ», ибо я сам их написать никак не мог, будучи мало образованным полтавским (!?) «хохлому», живущим по подложным документам и т. д. и т. п. Теперь, когда мною уже издано девять книг, опровергать подобные нелепости нет надобности. Хочется только спросить у этих господ, - не думают ли они, что в будущем их детям придётся краснеть за их отцов и матерей? В течение последних месяцев эти злонамеренные лица с теми же целями распространяют слух, что я уехал или в ближайшем будущем намерен уехать в СССР. В связи с этим, прошу Вас опубликовать настоящее мое письмо и заявление о том, что в Советский Союз я никогда не ездил и не собираюсь ехать. Таким образом этот клеветнический слух следует рассматривать лишь как очередной этап вводящейся против меня травли».

Увы, метаморфозы Михаила Дмитриевича Каратеева – из белого офицера в сталинского лизоблюда, а затем в народного монархиста – конечно не могли обойтись даром.

Н. К.

ПОЧЕМУ ПАЛО РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ЦАРСТВО?

2.

В аналитическом эссе, опубликованном в сборнике «Из глубины», С. Л. Франк поставил исторический диагноз: революция была «не убийством» России, как гласил популярный уже в 1918 году штамп, а «самоубийством великого народа».

Здесь Франк как бы вторил В.В. Розанову (1856-1919), который чуть раньше в своем «Апокалипсисе нашего времени» задавался вопросом: «Собственно, отчего мы умираем?». И далее, без тени сомнения, отвечал: «Мы умираем от единственной и основательной причины: неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся».

Оценка всех политических «поводырей», всех фракций руководящего меньшинства у Франка откровенно нелицеприятная. Монархический консерватизм, «хоть и создал великое государство», но потерял со временем свой творческий потенциал и был обречен на поражение. Либерализм же, «проникнутый антигосударственным, чисто отрицательным духом», не имел ни навыков, ни желаний считаться с национально-государственными задачами, не смог осознать национальную проблематику в качестве положительной идеи.

Особо же беспощадна у Франка характеристика «этуалей Февраля», этих, как он их называл, «слабонервных и слабоумных интеллигентов-социалистов», вся деятельность которых была направлена «на разрушение государственной и гражданской дисциплины народа, на затаптывание в грязь самой патриотической идеи, на разнуздание, под именем рабочего и аграрного движения, корыстолюбивых инстинктов и классовой ненависти в народных массах».

Падение великого историко-культурного феномена под названием «Российская Империя» чрезвычайно интересовало и волновало С. Л. Франка и в эмиграции. Старые секулярные схемы «исторического процесса» ему представлялись теперь не только неубедительными, но и фальшивыми. И он открывает то, что давно до него было открыто православной мыслью, но что для светского, нерелигиозного и внецерковного ума представлялось «тайной за семью печатями».

Теперь философ усматривает первопричину «Катастрофы 1917 года» не в текущих обстоятельствах политической реальности недавнего прошлого, а старается понять и осмыслить органические социальные корни грандиозного «эсхатологического акта». На страницах парижской «Русской мысли» в 1923 году он сделал исторически адекватный анализ «Русского Апокалипсиса», и из этого заключения уместно привести пространную выдержку.

«Подлинным фундаментом русской государственности был не общественно-сословный строй и не господствовавшая бытовая культура, а была её политическая форма – монархия. Замечательный, в сущности общеизвестный, но во всем своем значении не оцененной особенностью русского общественно-государственного строя было то, что в народном сознании и в народной вере была непосредственно укрепена только сама верховная власть

– власть царя; всё остальное – сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, всё это в том или ином отношении держалось лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании. Глубоко в недрах исторической почвы, в последних религиозных глубинах народной души было укреплено корнями – казалось незыблемо – могучее древо монархии; всё остальное, что было в России, – вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура произрастала из её ствола и держалась только им; как листья, цветы и плоды – произведение этой культуры висели над почвой, непосредственно с ней не соприкасаясь, и не имея в ней собственных корней. Это трагическое положение всегда беспокоило русское образованное общество; но оно сознавалось им лишь смутно – иначе как объяснить то роковое историческое заблуждение, которое позволило носителям русской культуры – в том числе и величайшим её гениям – в течение более 100 лет систематически подрывать единственную её опору? Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу и всё остальное – вся русская общественность и культура, – ибо мужицкой России она была непонятна, чужда и – по его сознанию – не нужна».

Истина русской истории, открывшаяся такому тонкому интеллектуалу-аналитику как С.Л. Франк в эмиграции, не являлась импульсом политического действия для его современников, именовавших себя «русскими патриотами».

Вооруженная борьба против большевиков не мотивировалась идеей «Святой Руси», не стала знаменем в жестокой гражданской войне, протекавшей под девизами защиты «порядка», «законности», «собственности», «учредительного собрания». Фактически и идеологически боролись, (надо признать: мужественно боролись!), за возрождение модернизированной Петровской империи, рухнувшей в 1917 году, не ощущая и не понимая, что внутренней силой Петровской Империи являлось именно Православное Царство.

По исторически обусловленному заключению Митрополита Иоанна (Снычёва), «растление сердца и умов «либерально-демократической» западной заразой зашло столь далеко, что подавляющее большинство вождей Белого Движения пуше большевизма боялись обвинений в «черносотенстве», «реакционности» и симпатии к «гнилому царизму».

Если отбросить частности и второстепенные детали, то с горькой очевидностью можно констатировать главное: Русская элита – родовая, финансовая, военная и интеллектуальная – совершила дважды великое самоубийство России. Первый раз, когда в конце февраля-начале марта 1917 года представители «высших» отрекались, предавали и проклинали Царя Николая II. Второй раз то произошло в годы Гражданской войны (1918-1920) и первые годы эмиграции, когда отреклись

уже и от самой Царской Идеи. Философ И.А Ильин (1883-1954) поставил точный диагноз: «Надо уметь иметь царя». Разучились иметь.

Отчего так произошло? Почему в критический момент истории, у исторической власти, у власти осененной священным преданием, Православной Верой и исторической традицией не нашлось самоотверженных защитников?

Это – вопрос-вопрос, который уж скоро сто лет волнует всех тех, для кого Россия родной дом навсегда.

Потому что без выяснения причин падения невозможно понять жуткую последующую реальность, когда на просторах бывшей Российской Империи на многие десятилетия утвердился не просто аморальный, а, грубо говоря, просто людоедский коммунистический режим.

Самый близкий к существу трагедии ответ дал один из известных русских монархистов-традиционалистов Н.Е. Марков (1866-1945). Выступая на съезде русских монархистов-эмигрантов в Рейхенгалле (Бавария) в мае 1921 года, непримиримый враг революции во всех его формах, заключал. «Монархия пала не потому, что слишком сильны были её враги, а потому, что слишком слабы были её защитники. Падению Монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли».

Куда же подевались Миныны, Пожарские, Сусанины, как и множество других безымянных героев русской истории, на протяжении веков грудью встававшие на защиту Царя и Отечества, являвшихся в русском сознании понятиями синонимическими?

Явилось бы архаичным идеологическим примитивизмом утверждать, как эта традиционно делалось в марксистско-ленинской, а шире – во всей позитивистской историографии, что Россия «изжила царистские иллюзии», и чуть не вся, целиком, сделалась антимонархической. Конечно, этого не было. В толще народного сознания, как справедливо отмечал С.Л. Франк, идея Царя была животворной. Однако на авансцене политического действия, там, где творилась событийная история, где лицедействовали главные фигуранты политической сцены, идея Царя и Царства, действительно, была дискредитирована настолько, что после февраля-марта 1917 года о реставрации не только Династии Романовых, но вообще о возрождении Царского института никто не смел публично заикнуться.

А если бы и посмел, то такого ослушника немедленно бы публично ошкаркали и морально уничтожили, навесив ярлык «врага народа».

Вся финальная фабула монархической драмы свидетельствовала о том, что русский монархизм, который олицетворяли представители «образованных классов», измельчал, выродился и почти сошёл на нет как активная политическая сила.

Тут Н.Е. Марков был совершенно прав. Среди родовитых и именитых никто не только не хотел «умирать за Царя», но даже не желал выразить человеческую симпатию Царю и Его Семье, после того как Они оказались в заточении.

Эта была неизбежная расплата за секуляризацию и вестернизацию,

которые широким потоком хлынули в Россию со времени Петра Первого.

Сознание элиты, чем больше оно становилось «европейским», тем менее оно оставалось русско-православным. К началу XX века понятие «Царь» не воспринималось больше сакральным символом, в «обществе» никто и не вспоминал, что «Царь – устроение Божие». В Миропомазаннике видели только властителя, наделённого, как немалому числу людей казалось, слишком широкими властными полномочиями. И всё. Общественное сознание постепенно становилось не только просто нерелигиозным, но и активно антицерковным, а потому и антицарским.

В этой связи уместно сослаться на выводы авторитетного стороннего наблюдателя, который никоим образом не был связан с Россией, а потому не был ангажирован какими-то личными, родовыми, поведенческими или мировоззренческими интересами, симпатии и антипатиями. И так, предоставим слово крупнейшему английскому мыслителю XX века Арнольду Тойнби (1889-1975).

В середине 50-х годов XX века знаменитый английский историк-философ, размышляя об исторических судьбах стран, народов и культур, написал о России следующее. «Западный мир, к которому Россия во времена Петра пошла в ученики, был уже миром нерелигиозным; и наиболее просвещённое меньшинство русских, ставшее проводником вестернизации в России, последовали примеру своих западных современников и стали холодно относиться в православной форме Христианства, не приняв, однако, и западной веры».

Английский мыслитель точно обозначил первопричину – расцерковление, дехристианизация русской элиты. Благодаря этому события развалились так, как развивались, что через два века неминуемо и привело к катастрофе – Февральскую революцию – с исторической радостью приветствовали не только толпы маргиналов на улицах Петербурга-Петрограда и политические авантюристы, оказавшиеся во главе «освобождения».

Самое поразительное, что восторженно-экстатические чувства демонстрировали и многие представители высших кругов Царской России, вплоть до некоторых членов Династии Романовых, которые своим благополучием и процветанием были обязаны исключительно монархической власти. У них, в тот переломный момент истории, не обнаружилось не только исторической прозорливости; у них атрофировался даже инстинкт самосохранения, что подчеркивало обречённость монархического истеблишмента.

То был исторический феномен, невиданный ещё в истории монархических систем. Арнольд Тойнби отмечал, что для западного сознания было просто удивительным и непостижимым явление, когда офицерский корпус, во все времена – опора существующего строя, в России оказался рассадником революционных настроений.

«Типичный жизненный путь русского революционного пропагандиста или лидера XIX века, констатировал Тойнби, – был таков:

родиться в семье состоятельного помещика, поступить на военную или государственную службу. Публиковать философские статьи в литературном журнале, рано уйти в отставку с императорской службы и провести остаток жизни как рантье, служа делу политических и социальных реформ в России по западному образцу».

Здесь невольно всплывают имена и участники безумной революционной авантюры в декабре 1825 года из числа гвардейского офицерства («декабристы»), и пресловутого «русского барина из Лондона» А.И. Герцена (1812-1870), и теоретика анархизма и народничества П.А. Бакунина (1814-1876), и представителя древнего княжеского рода, ставшего «певцом анархии» князя П.А. Кропоткин (1842-1921). Можно указать и на другие фигуры, калибром поменьше.

Однако дело совсем не в перечне имён, а в зловещей тенденции нарастания в общественном сознании руссонеапативности, которое в русской истории последних десятилетий перед 1917 годом невозможно не заметить.

Безнадёжный же ужас русской действительности состоял в том, что в начале XX века в «оппозиции» к Царю и Его правительству находились не только разномастные «жрецы» и «жрицы» анархических, социалистических и либеральных фракций, партий и течений. К ней принадлежало и немалое число представителей сановно-чиновного мира, включая и целый ряд министров! И высший генералитет в массе своей был тоже «оппозиционным» и вредил, как только мог. Этот круг отступников, а точнее говоря – клятвопреступников, включал даже начальника штаба (1915-1917) Верховного Главнокомандующего, генерала-от-инфантерии (пехоты), генерал-адъютанта М. В. Алексеева (1857-1918).

Данный факт давно известен, исходя из чего, многократно и делались заключения о наличии «заговора» в среде высших офицерских чинов и политических деятелей, причислявших себя к разряду «монархистов». С обескураживающим цинизмом переворотные настроения потом некоторые признавали. Так, генерал А. И. Деникин (1872-1947), один из главных поводырей «белого дела», в своих мемуарах признавал, что в ноябре 1916 года (!) «представители думских и общественных кругов», встречаясь с главнокомандующими фронтами генералами Брусиловым и Рузским, договорилось об остановке Царского поезда во время его движения из Ставки в Петроград. «Далее должно было последовать предложение Государю отречься от Престола, а в случае несогласия физическое Его устранение».

Подобные генералы являлись не просто мелкими предателями, а именно клятвопреступниками, отступниками от Бога, так как верности Царю должностные лица, в том числе и военные, клялись на Евангелии, перед святыми образами, т.е. перед Лицом Господа! По сути дела все «февралисты» восставали против Бога, так как инсинуировали и выступали против «Божьего пристава» - Царя Православного.

Фактически данные деятели – соучастники разрушения России, вне зависимости от того, какие дела они вершили после падения Монархии. И это были люди, которые считались «цветом» русского офицерства!

Собственно в точном смысле слова «заговора» - как некоей тайной организации, «секретного союза единомышленников», скрепленного программой и планом действий, не существовало. Однако определённо наличествовал сговор высших должностных лиц, преследовавших лишь одну цель: «убрать» Самодержца и Верховного Главнокомандующего

Николая II, т. е. совершить государственный переворот.

И 2 марта 1917 года противники, в том числе и «свободолюбивые» генералы, добились своего. Государь, под неимоверным натиском измен и предательства со сторон элиты, сложил властные prerogatives.

Произошло то в период жесточайшей войны, за несколько недель до начала решительного удара по вражеской Германии!

Ведь свержение Самодержавия привело к продлению мировой войны и новым многотысячным человеческим жертвам. Военная кампания должна была завершиться разгромом Германии и Австрии летом 1917 года, и об этот господа генералы прекрасно знали.

Получилось же совсем наоборот. Позже заместитель начальника германского генерального штаба генерал-полковник Эрик Людендорф (1865-1937) в мемуарах не скрывал своего восторга. «Как часто я мечтал о русской революции, которая существенно облегчила бы нам жизнь; и вот она случилась совершенно внезапно, и у меня с души свалился тяжелый камень, сразу стало легче дышать... Наше общее положение заметно улучшилось, и я с уверенностью смотрел навстречу предстоящим сражениям на Западе».

То были откровенно изменнические помыслы русских генералов, достойные самого сурового наказания не только во время войны, но и в мирное время. Кара Царской Власти их не настигла, но в итоге - все получили своё. Генерал Н. В. Рузский, один из главных фигурантов в деле отрешения Императора Николая II от власти, осенью 1918 года был зарублен красной солдатней саблями на кладбище Пятигорска.

Другой «свободолюб» генерал А.А. Брусилов (1853-1926), спасая свою жизнь, предал всех и вся, и пошёл в услужение к большевикам, став «любимцем»

красного палача Л. Д. Троцкого (1879-1940) – «наркома по военным и морским делам и председателя Революционного Военного Совета».

Те же, кто успел сбежать за границу, например, тот же генерал А.И. Деникин (1872-1947), владели там настолько жалкое существование, при котором смерть казалась слаще жизни...

Почему же так произошло; почему люди обязанные клятвой перед Богом служить Царю «до последнего вздоха», отреклись и предали Его. И опять этот роковой и судьбоносный вопрос: почему пало Царство?

Уцелевшие участники февральской преступной антрепризы потом давали ответы на страницах своих «мемуаров» и «записок». Ответ простой, незамысловатый и почти единогласный: «Царь был не тот». А каким же Он должен был быть? Данную сторону трагедии краснобаи-февралисты, как из числа военных, так и гражданских лиц или, если использовать лексику С. Л. Франка, эти «слабонервные и слабоумные» деятели так до конца и не прояснили. Некоторым требуемый правитель виделся в образе Петра Первого, который в лучах имперской славы «наверняка» привёл бы Россию к победе. Может быть, и привёл бы, да вопрос этот весьма спорный.

Но вот о чём можно говорить наверняка, без всякого сослагательного наклонения, так это о том, что «слуги Государя», ведшие в период войны предосудительные разговоры и злоумышлявшие против Царской Особы, очень быстро бы окончили свои дни, кто в казематах, кто в далёкой ссылке, а кто и на плахе.

Всем этим Родзянко-Гучковым-Алексеевым-Брусиловым и иже с ними не пришлось бы долго злоумышлять и интриговать. «Пётр Великий» был скор на суровую и бессудную расправу.

А. Боханов

О миллиардах патриарха Гундяева

Недавно патриарх Кирилл Гундяев внезапно решил поговорить о деньгах. И даже о своих. Точнее, о том, что у него их нет: «Я однажды был просто поражен общением с одним из владык (сейчас он на заслуженном отдыхе), - вспоминал патриарх. - Мы летели с ним из одной страны в другую, он работал за границей, а я был председателем Отдела Внешних Церковных Связей. И он мне так по-братски (мы давно с ним были знакомы) говорит: «Владыка, ну помогите, пожалуйста, с деньгами, нам очень трудно». Я сказал: «Ну мы же вам перечисляем деньги». - «Да нет, вы из своих помогите». Я поднапрягся: «Что значит из «своих». - «Ну у вас же шесть миллиардов долларов». Я посмотрел на этого владыку и говорю: «Тынешутишь?» - «Данет». Значит, этот бред достиг сознания архиерея, и он в него поверил».

В социальных сетях этот рассказ вызвал очень много иронических комментариев. «Миллиардер Гундяев решительно опроверг слухи о том, что он миллионер». «Всем известно, что слухи о богатстве патриарха - полная чушь. Потому что это не слухи». «Патриарх Кирилл призвал не верить слухам о его богатстве. И скромно поправил несуществующие часы Breguet на запястье».

Достаточно посмотреть. Вот патриарх Кирилл на роскошной яхте, на бизнес-джете, на «Мерседесе», а вот и роскошные часы на его руке – то «Брегет», то «Улис Нардин». Причём, в одном случае, часы на руке были отретушированы – сотрудники патриарха были на этом пойманы.

Что же, и глазам своим тоже не верить? Патриарх Кирилл – лицемер. Его роскошный образ жизни не соответствует уровню жизни огромного большинства верующих. А он делает эти смешные заявления. И ещё позорная картина – спрятать очевидное личное стяжательство за «правду Божию».

Вот на минутку представьте себе, что Кирилл перестал пользоваться

неправедно нажитым, раздал имущество фондам помощи и переехал в трёшку в квартале Навального. Ещё и от подчинённых того же потребовал. Вскорости у него случится внезапное падение из окна или сердечный приступ (если из окна падать откажется). В лучшем случае пойдёт под суд за ужасные деяния, совершенные в прошлом. Потому что нелицемерная и честная Церковь опасна для власти. Но русские люди дальше веруют не благодаря Московской Патриархии, а вопреки ей.

Причём никому не секрет, что Гундяев это крупный переодетый в рясу и сменивший наган на кадило чекист. Зарплату да и премиальные за прекрасный камуфляж наверное досих получает из НКВД-КГБ-ФСБ.

В СССР и в современной РФ все общественные организации делились и делятся на две категории: преследуемые государством и непреследуемые. К вторым относились и относятся организации, полностью подконтрольные спецслужбам. Как вы думаете, разве могла бы существовать в СССР Патриархия, если бы в НКВД не были уверены в том, что она

вдруг чего-нибудь не выкинет такого крамольного и мятежного?

Самое же главное - зачем? Зачем семидесятичетырёхлетнему старику столько денег? Индульгенции прикупить? На тот свет он всё равно их взять не сможет. А умрёт так же как и его предшественник, обнимая хрустальный унитаз, на мраморном полу одного из ста туалетов своей роскошной резиденции.

Любой архиерей Православной Церкви это монах, а монах по определению нищий, у него во владении не может ничего быть кроме каких-то личных мелочей вроде расчёски и зубной щётки.

Патриарх Никон, инициатор церковной реформы, был отправлен в монастырь на удаление по той причине, что гордыня подвела - стал требовать почитания «Государем» наравне с Царём Алексеем Михайловичем. Нынешний патриарх, якобы монах, живёт в немислмной роскоши, во дворцах и имея охрану. Тем самым он наносит вере огромный урон. А его образ жизни копируется митрополитами и всем епископатом МП, за редким исключением

Н. Греков

**УПЛАТИЛИ ЛИ
ВЫ ЗА
ПОДПИСКУ НА
2021 ГОД?**

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 И. Л. Солоневичем. Издательница: Lidia de Candia. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для чеков: Nicolas Kasanzew, 9225 NE 12 Ave Miami Shores, FL, 33138, USA Адрес для писем: N. Kasanzew, Av. Cabildo 2349, C. C. 10, Buenos Aires 1428, Argentina. Годовая подписка: В Аргентине - 1200 песо

В Европе - 60 евро. В Австралии - 85 американских долларов. В Канаде - 80 американских долларов. В США и остальных странах - 75 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Банковские передачи: Nicolas Kasanzew, 898079164299 Bank of America, 1108 Kane Concourse, Bay Harbor Islands, FL, 33154-2068, USA Routing: 063100277 Swift: BOFAUS3N: Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты.

NUUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представитель во Франции - E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: www.nashastrana.net